

Мальчик-раб, вероятно, только что стал свидетелем самого невероятного зрелища в своей жизни. Поэтому он не сразу понял, что победители собираются убить проигравшего. А когда понял, то хотел закричать во всю силу, чтобы они этого не делали... Но не успел: в ангаре появился ещё один человек, казалось бы, вполне обычный человек, но при его появлении и непобедимый монах и смертоносный хантер утратили уверенность в своей победе. Ребёнок заметил, как свисающий с троса авинец поспешил залезть обратно под потолок ангара. Юный зритель уловил только одно слово — офицер.

«Что же произошло? Явилась новая угроза или спасение?»

Мальчик упустил момент, когда полуголый монах атаковал офицера, но когда заметил — не смог оторвать взгляда от картины, сотканной из элементов неуловимых движений, мелькающих ударов и невероятных прыжков.

Хантер же в это время вёл себя весьма странно: он дёргался в подобии танца, то уклоняясь непонятно от чего, то отбивая невидимый рабу удар. Каждый раз, как кросс пытался приблизиться к лежащему возле стены остролицему мужчине, ему что-то мешало. Что-то защищало приговорённого к смерти, и ребёнок не сразу понял, что именно...

Искусство первое — танец ветра, техника летучей обезьяны. Ума прыгает и наносит отточенные удары ногами. Раз, другой, третий — Кристо успешно уклоняется от первого и блокирует последующие два. Монах вложил всю силу в последний удар, четвёртый, которого, как правило, никто не ожидает. Извернуться в падении и используя гибкость суставов ударить сверху, за секунду до касания поверхности пола. Голову офицера отбрасывает ударом, но это ещё не всё.

Кун Антис в этот момент бьёт по организатору, намереваясь отрубить голову за раз — что-то свистит, и кросс-хантер в последний момент отскакивает, ощущая, как возле головы на невероятной скорости пролетает маленький снаряд. Ещё свист, и охотник рефлекторно разрубает второй такой же брошенный офицером снаряд — хируановый шарик с сантиметр диаметром.

«Невозможно! Во время битвы с тем безумным ублюдком он умудряется швырять в меня снаряды, только чтобы защитить преступника? И что за сила у этих бросков?»

Ума Алактум тоже всё правильно понял и разозлился от мысли, что противник умудряется сражаться на два фронта. Воспылал Ума Алактум, змей же девяти искусств собирается воспользоваться выгодой своего положения.

Судья Чак уклоняется от удара ноги и в развороте бьёт своей, одновременно бросая в хантера очередную дробинку. Монах сгибается, спасаясь от удара, и тут же бьёт сам, стараясь оставаться на средней дистанции, понимая, что проигрывает офицеру в скорости. Кун блокирует новый снаряд. Ума ускоряется, доводя своё тело до предела. Безостановочно мелькают удары, но ни одна из сторон не попадает в цель. Ударить — уклониться — ударить. Хантера отвлекают как старые раны, так и осколки, засевшие в спине после предыдущего взрыва — он не может сосредоточиться на атаке и только отражает всё новые и новые порции хируанового изделия.

Монах поддаётся азарту, доходя до черты, после которой невозможно остановиться, и вынуждает офицера забыть про остальной мир. И вот уже судья и участник превращаются в единый поток насилия, больше неспособные избегать ударов и вынужденные отбивать их ценой

крепости своих костей. Юноша непредсказуем в своей безумной радости, офицер — опытен и не использует лишних движений.

Ума рассекает пальцами грудную мышцу Кристо. Зря. Кристо ударом ноги сносит Уму со своего пути — монаха отбрасывает к стене, и юноша, кашляя, понимает, что, несмотря на блок, рёбра должно быть треснули.

Кун больше не спешит атаковать Блюса, и судья Чак позволяет себе слово:

— Не плохо, для новичка, — говорит он юноше, — но до офицера нобилити тебе как до звёзд. Тебе ещё учиться и учиться контролю своего тела.

Ума не встаёт, он жестом показывает Куну, что ему нужна минута.

«Ещё учиться и учиться? Посмотрим!» — улыбается монах и, игнорируя боль, делает глубокий вдох.

Кросс-хантер рычит, чтобы подчинить непослушное тело и, вынуждая раны выплеснуть новые порции крови, атакует подошедшего судью.

Ума закрывает глаза: «выдохнуть усталость, пусть боль растечётся по телу жаром».

Кристо уходит вниз, пропуская над собой смертоносное лезвие и бьёт по ближайшей ноге оппонента. Опыт смертельной арены позволяет охотнику вовремя поднять ногу, чтобы избежать удара и тут же рубануть по офицеру вторым клинком. Чак скользит в сторону, но не разрывает дистанцию, сводя на нет преимущество мечника в радиусе атаки.

«Невидимое пламя охватывает тело, сотканное из боли поражений, любви к битвам, злости на свою слабость и веры в свою силу. По венам растекается жидкое пламя из силы и вожделения».

Серповидный клинок рассекает воздух. Кун ныряет, уходя от удара ноги. Второй меч снова не успевает достать свою цель. Пригнуться, избегая встречи с локтем и ударить снизу-вверх, намереваясь вспороть офицера — Кристо толкает ладонью рукоять, останавливая атаку, и бьёт коленом по подбородку. Гулкий удар отбрасывает голову хантера, и кросс чувствует, как рот наполняется солоноватой кровью.

«Тело — марионетка. Мозг — кукловод. Марионетка ничего не чувствует, она просто пляшет, повинувшись неосязаемым нитям силы, окутывающим её тело. Моё тело — марионетка, так пусть оно пляшет, пусть оно повинувается...»

Судья Чак ускоряется, Кун вращается, стараясь окружить себя максимальным количеством рубящих узоров, забывая об усталости и страхе и стараясь продержаться как можно дольше. Как в дни кровавой славы: просто рубить и кромсать неуловимого противника, зная, что нет ничего невозможного, подчиняясь звериной части своего естества и помня, что убить можно любого...

Кулак офицера выбивает весь воздух из груди воина. Хантера отбрасывает на метр, но даже тогда, скользя по полу и оставляя за собой кровавый след, Кун не выпускает клинки из рук.

— Вот и всё, — говорит Кристо, поворачиваясь к советнику Блюсу и огорчённо рассматривая свой окровавленный пиджак.

Но это было не всё.

Рёв кросс-хантера разносится по ангару. Ветеран смертельных боёв, широко расставив ноги, истекая кровью и воя диким зверем, из последних сил отрывает своё тело от пола. Кун еле держится на ногах, со рта его вырывается кровавый пар, но взгляд говорит только об одном: «ничего не кончено».

— А вот это заслуживает уважения, — Кристо закатывает рукава, — какая сила воли...

От продолжения противников отвлекает хлопок, и с почти неслышным треском врезавшаяся между ними в пол деревянная пуля. Судья оценивающе смотрит наверх.

Винсенту понадобилось больше времени, чем он полагал, чтобы забраться на остатки лесов и приспособить винтовку. Авинцу ой как не хотелось оказаться в зоне досягаемости судьи. Он выбрал дальнобойный игломёт, против которого защитное излучение бесполезно, и огнестрельную винтовку на основе взрывчатого геля — пальцы слепца пробежали по снарядам-иглам и деревянным пулям.

Кристо Чак напрягается. Слепой стрелок мысленно даёт команду, и с десятков спиц летят в судью. Недостаточно быстро — в этом главный недостаток игломётов. Офицер преобразует неподвижность в ураган движений, с лёгкостью избегая игл и даже хватая некоторые из них руками.

Обойма заканчивается. Кристо ухмыляется и одним броском швыряет в хантера все перехваченные спицы. Кун взмахивает клинками, отбивая почти все иглы. Почти. Но не все — две спицы вонзаются в ногу и корпус воителя. Кросс оседает на колено, но не сдаётся, собираясь накопить силы для финального броска.

Винсент испускает эманации разочарования и, не упуская из фокуса излучение уверенности от судьи, формируя через звуковые волны его образ и возможные действия, нажимает на курок. Выстрел — офицер слегка качнулся и продолжил стоять.

«Невозможно! Он уклонился? Дерево может и медленнее обычной пули, но куда быстрее игломёта!»

Ещё два хлопка разносятся под куполом, и после каждого судья размытой тенью успевал уйти от выстрела.

«Нет, он не видит пулю. Просто сам звук выстрела предупреждает его, о необходимости уклоняться. Можно попытаться предугадать его движение, но даже мне это будет сложно».

Снайпер переключает своё внимание на ведущего организатора.

«Если убить его сейчас, то необходимость в сражении исчезнет».

Винсент касается пальцем курка, но не может нажать.

«Проклятье, проф-ограничение не позволяет мне убить официального нанимателя, даже если я под прикрытием. Кто бы мог подумать. Надо что-то делать. Необходимо, чтобы кто-нибудь отвлек офицера, иначе я в него до ночи не попаду. Чем там занят монах?»

Выстрел — пуля врезается в стену над головой Умы, и тот открывает глаза. И когда юноша поднимается, авинец ощущает в нём сильные изменения: монах испытывал удовольствие. Он

так и искрит положительной энергетикой, готовой поглотить всё вокруг себя. Нечто двигало юношей, подобно лавине, безостановочной чередой взрывов, бездонному океану света. Света необратимости. Энергетика сопоставимая со светом офицера нобилити. Но, в отличие от концентрированного излучения судьи, монах беззаботно рассеивал свой жар при каждом движении.

Ума в один прыжок оказывается возле умирающего паукообразного дрона, вытаскивает из него свой гигантский меч и, раскрутив его вокруг себя, кидает «жнеца» вверх. Прямоугольный клинок взлетает в воздух и по дуге летит к офицеру нобилити. Юноша срывается с места и мчится к противнику на опережение. «Жнец» достигает пика полёта и начинает падать, а монах на полпути к цели. Ещё десять шагов, девять, восемь, семь, шесть. Ума прыгает. Кристо принимает широкую стойку. Монах хватает свой меч в воздухе и обрушивает на судью всю накопленную силу. Удар, способный расщепить стальное дерево «весего».

Кристо Чак останавливает удар, до предела напрягая руки и хватая меч в одно движение: зажав его над собой ладонями. Сила против силы. Ударная волна отбрасывает рыжие пряди с лица офицера, и Ума улавливает озорные нотки во взгляде взрослого мужчины.

— Ну наконец-то, — Кристо не выпускает клинок, — я уже было заскучал. Только не говори мне, что это твой лучший удар.

Монах поворачивает лезвие и вырывает оружие из захвата. Разворот, свист — судья пригнулся. Кристо в момент оказывается рядом и бьёт со всей силы, уже не думая о том, чтобы сдерживаться. Ума закрывается широким мечом, и меч стонет, когда принимает на себя кулак офицера. По рукам бьёт отдача, сила удара отбрасывает юношу. Не останавливаться! Вращение, свист — Кристо припадает к земле и бьёт ногой по пролетающему над ним сплаву из смерти и страха. Монах выпускает меч из рук, и «жнец» взлетает вверх. Судья и участник обрушивают друг на друга весь арсенал своей боевой техники. Не думать. Пусть тело двигается само — легко, быстро, сильно. Кто первый поддастся боли — проиграет.

Хлопок-выстрел вынуждает противников отпрянуть, но пуля снова не находит свою цель. Авинец выбрал наилучший момент: Ума хватается свой падающий после непродолжительного полёта меч и продолжает. Раз, два, раскручивая смерть, пальцами цепляя спиральное окончание рукояти и меняя траекторию ударов, монах вынуждает офицера отступить. Выстрел — Кристо успевает дёрнуться в сторону, пуля пролетела близко, очень близко — хорошо. Вращение, свист — судья ныряет под меч. Выстрел — почти, ещё чуть-чуть. Вращение, свист, выстрел — пуля насквозь пробивает ладонь офицера. Вращение на грани разрыва мышц, свист рассекаемого воздуха подобен плачу. Выстрел — мимо. Кристо скользит тенью, оказываясь между монахом и стрелком, и не думая о снайпере, снова перехватывает лезвие «жнеца». Руки вздуваются венами, ладони смыкаются на металле, офицер выполняет боковое сальто и обезоруживает монаха.

Ума не сдаётся. Искусство девятое — космическая длань, техника внутреннего кулака. Судья не успевает уклониться, но успевает ударить ладонью в ответ. Офицер выдерживает удар — монах отлетает на добрый метр. Хлопок — Кристо скользит в сторону, но выстрел-таки оцарапывает ему бедро.

Затишье. С уголка губ офицера стекает струйка крови:

— Не плохо, — говорит Чак, — не плохо. Но если вы продолжите, то боюсь: мне придётся вас убить.

Уму рвёт кровью, он просовывает пальцы себе под рёбра, нажимает не жалея сил, и кашель ослабеваает. Кристо ждёт, когда монах признает поражение.

«Ещё не всё», — думает Ума. «Мы ещё можем победить», — решает змей девяти искусств. «Веселье в самом разгаре», — говорит нечто кровожадное и безумное внутри юноши.

Кун Антис вытаскивает из ноги и живота вонзённые туда спицы и не спеша встаёт. Винсент Зой заряжает новую обойму. Ума Алактум поднимается с кровавой улыбкой на лице и ловит взгляд охотника.

«Если нападём все вместе — у нас появится шанс».

Мальчишка-раб, в оцепенении наблюдавший сцену боя, осознаёт только одно — это безумие. Они уже и сами не понимают, зачем сражаются. Почему они так сильно хотят убить организатора турнира? Потому что он для них зло? Бред. Это всё бессмысленно, нужно это остановить. Нужно вмешаться...

Ума решает, как будет действовать дальше: «Один на один использовать технику захватов неразумно, но сейчас с раненой рукой даже офицер не сможет вырваться достаточно быстро. С огневой поддержкой авинца мне нужно приблизиться и обездвижить его всего на секунду, остальное за Куном».

Ягуар и змея начинают движение, огненный саламандра ждёт.

«Выстрел заставит его сместиться, я пойду на опережение, сначала схвачу раненую руку, затем ногами удержу здоровую. Зафиксирую технику распятыя, но он не упадёт, он выдержит мой вес. Кун ударит, вероятно, чтобы не тревожить свои раны, одной рукой. Кристо может остановить удар ногой: он сможет удержать мой вес и стоя на одной ноге. Тогда стреляет снайпер, Кристо придётся упасть, чтобы избежать попадания. В этом раскладе у него шансов нет. Остаётся надеяться, что он, как и прежде, будет использовать только физическую силу. Остаётся надеяться? И почему у меня плохое предчувствие?»

Затишье перед бурей подошло к концу. Тяжёлое дыхание, казалось бы, заглушило все звуки мира. Кровавая буря не обещала оставить никого в живых. Винсент касается курка. Выстрел. Ума и Кристо — два размытых пятна — скользят навстречу друг другу...

— ХВАТИТ!!!

Все присутствующие одновременно хватаются за голову. Разрывающий крик, вопль внутри головы каждого, вынуждает остановить бойню. Блюс Элджейс не выдерживает напряжения и теряет сознание. Нечеловеческий голос с проскакивающими детскими нотками затмевает мир пеленой шума и тяжести. И каждый, продираясь сквозь эту пелену, поворачивается в одну сторону, чтобы посмотреть на одиноко стоящего возле навеса ребёнка. На телепата невероятной силы...

Ангар погрузился в метель, непроглядную плотную завесу ментальной атаки.

— ОСТАНОВИТЕСЬ! Я ВАМ НЕ ВРАГ!

Бесполезно. Никто из них не доверится телепату. Для мальчишки основной проблемой было количество объектов, которых он намеревался сдержать. Офицер нобилити и монах Лиан-

Чжунь упорно воздвигали пси-блокаду, не позволяя угрозе проникнуть в свой разум. Хантер-кросс не старался сопротивляться, он просто позволил своему звериному «Я» принять на себя ментальное воздействие. Но тяжелее всего было с авинцем: он был слишком далеко и имел природный иммунитет к пси-атакам. Для того чтобы справиться, приходилось думать о себе во множественном числе.

Ребёнок решил для начала ослепить всех присутствующих. Пусть для них начнётся пурга. Метель, порождённая разумом и там же существующая, должна была их замедлить. Особое усилие направить на снайпера, стараясь оглушить и сузить его восприятие.

Дальше — импровизировать. Если хантер прикрывается своим зверем как щитом, тогда мы просто вытащим этого зверя наружу, дадим ему полный контроль над телом и немного подстегнём. Сейчас его зверь будет думать, что монах — это враг. Что ж, отпустим монаха, пусть он разбирается с кроссом. Теперь у мальчишки достаточно сил, чтобы пробиться в разум офицера. Захватить — нет. Но пробиться можно.

Метель вокруг Кристо Чака расступается, и он видит перед собой фантомный силуэт мальчишки.

— Выслушайте меня, — говорит ребёнок, и от его голоса становится зябко.

— Убирайся из моей головы, — Кристо концентрируется, и силуэт мальчишки становится прозрачным. — Силён, зараза, никогда не встречал столь опытного телепата.

— Пожалуйста, — стонет раб, — если бы я хотел Вам вреда, то атаковал бы во время вашего боя.

Офицер колеблется...

Кун Антис без предупреждения бросается на Уму. Хотя нет, он рычит, что собственно и позволяет монаху вовремя отреагировать.

Зверь бьёт по шее. Монах встречает лезвие предплечьем. Сталь клинка сталкивается со сталью мышц. Руку обволакивает теплом стекающей крови.

— Ты смотри: на этот раз ты смог меня порезать, — через силу улыбается юноша, — только вот всё равно недостаточно глубоко.

Хантер рубит вторым мечом. Ума отбивает лезвие ладонью и отбрасывает безумца ногой. Кун падает, только чтобы медленно подняться.

— Этот день когда-нибудь кончиться? — вздыхает Ума, — раньше я только этого от тебя и ждал, но сейчас... сейчас я боюсь, что стану пацифистом.

И снова рык, и снова лезвия поют. Ягуар в погоне за летучим лемуrom. Серповидные клинки пытаются достать порхающего монаха. Колесо, рондад, твист — Ума продолжает прыгать, избегая ударов Куна, что в купе с болью от ран всё больше злит охотника. И эта звериная ярость не позволяет увидеть, куда стремится попасть змей.

И змей девяти искусств достигает нужного места, приземляясь возле столь ненавистного его телу меча. Пальцы с трудом сжимают рукоять «жнеца». Хантер прыгает, чтобы в прыжке,

используя весь вес тела, ударить по остановившейся цели. Ума вскидывает над собой широкий меч — искры летят, звон оглушает, колени подгибаются.

Кун измотан и мешкает с атакой. Юноша пользуется моментом, заставляет себя двигаться. Разворот, свист — кросс отпрыгивает на одних инстинктах. Ещё, перехватить рукоять, ударить сверху-вниз — зверь катится, вынуждая «жнеца» столкнуться с полом. Меч отскакивает, и монах использует отдачу для разворота. Кун прыгает, ступая на рассекающий воздух меч — Ума выпускает рукоять. Серповидные клинки с двух сторон бьют по незийцу. Ума выгибается, пропуская над собой лезвия и ударяя ногой по локтю противника. Воин роняет один из мечей, и юноша, не колеблясь, хватается оружие. Зверь рычит, змей улыбается — братья-клинки мчатся навстречу друг другу. Один удар, одна воля. Серповидные изделия с ослепляющим звоном выбивают искры друг из друга. Сила столкновения выбивает мечи из рук противников. Кросс бьёт локтем — монах падает, ударяя хантера под колено. Кун заваливается, Ума вскакивает, бьёт ногой в голову. Воин ставит блок, но его всё равно отбрасывает.

Лицо Умы заливают кровь, ладони стёрты до кровавых мозолей, тело усыпано кровотокающими порезами, ссадинами и синяками. Внутренности всё ещё схватывают мучительные спазмы, а усталость такая, что забываешь о том, что значит двигаться.

Кун еле стоит, истекая кровью не меньше противника и выдыхая кровавые пары. Зверь внутри охотника хочет только одного — уснуть. Но нельзя, пока враг ещё дышит. Пока на арене не останется только один. Арене? Да какая разница.

Ума понимает, что нужно использовать искусство лианцуань, чтобы обездвижить безумца. Но не может. Собственное безумие решает проявиться, прорываясь сквозь угасающее сознание смертельно уставшего человечки. Осталось ещё одно желание, что не потонуло в пучине бессилия. Желание завершить всё как следует, утолив свою жажду крови...

Безумцы кидаются друг на друга, в желании разорвать стоящего напротив противника, чего бы это ни стоило.

Между ягуаром и змеёй вклинивается огненная саламандра — судья Чак отбрасывает нерадивых участников друг от друга.

— Лежать! — рявкает Кристо, и участники лежат, не в состоянии подняться чисто из физических соображений.

В головах у них что-то гудит, и мысли проясняются.

К троице подходит ребёнок.

— Вам нужно выслушать, что он скажет, — говорит офицер, хотя, у лежащих всё равно нет выбора.

— Не волнуйтесь, — говорит мальчишка, — ваш снайпер держит меня под прицелом, и если он ощутит, что я пытаюсь на вас воздействовать — убьёт не колеблясь. Таковы были условия разговора.

— И как же он тебя уболтал? — Ума смотрит на судью.

— Ну, основной довод состоял в том, что если бы я продолжал считать его угрозой, то некому было бы вас остановить, чтобы вы не поубивали друг друга. А я не настолько упёртый, чтобы спорить ценой жизни других людей.

— Ну, я бы этого кросса за человека не считал, — устало улыбается юноша...

017

«Ты, вероятно, уже успела определить с десяток стандартных психических расстройств. Но поверь мне, если это недуг, то я сочувствую здоровым. Да и вообще покажи мне здорового человека, и я предположу, что ему просто удалось тебя обмануть. Но это всё не важно, это всё банальная ерунда. Я не стану действовать вопреки эгоизму и просто продолжу говорить о себе...

Мне не описать то чувство, когда ты осознаёшь, что труды окупилась невероятным результатом. Когда сотни часов истязания позволяют тебе делать вещи, недоступные другим людям. И не важно, в какой сфере будет выражен этот результат: то чувство власти, превосходства и силы не позволят тебе остановиться. Возможно, поэтому я не могу отступить. В конечном итоге я всегда буду желать проверить, чья приверженность миру боевых искусств сильнее и чей путь окажется путём победителя. Хотя нет, немного не так: я хочу узнать, как точно я следую выбранному мной пути. Окажется ли очередное противостояние подтверждением моего превосходства и подтверждением правильности моего выбора, или же я окажусь среди проигравших и опять же увижу необходимость совершенствования своих навыков.

Всё просто. Проигрышем будет только один расклад — моя смерть. В остальных случаях я собираюсь выудить максимум пользы из сложившейся ситуации. Жаль, конечно, что я подвергся ожиданиям победы со стороны моих союзников. Тем не менее, я сам хочу победить, так что сделаю всё возможное...

Надеюсь, не случится ничего непредвиденного... Хотя если ты это сейчас слушаешь, вероятно, что-то непредвиденное всё-таки случилось. Ох, только бы я ошибался, уж лучше так...»

Они стояли над обрывом. Уставший ученик и его всезнающий наставник. Наставник, которого мальчишка видел всего раз. Но сейчас лучший из учителей стоял рядом и был именно таким, каким бездарный ученик его и запомнил.

Прочный уступ под ногами заканчивался бездонной пропастью. Обрыв, в котором приверженцы символизма были готовы увидеть абстракцию множества жизней. Но это было не важно. Важным являлось только сказанное наставником и ничего больше:

«Ты должен прыгнуть... — говорил он, — а когда прыгнешь, то все свои силы направишь на то, чтобы не закрыть глаза. Я буду рядом, поэтому не позволяй страху себя убить».

Мальчишку трясёт — он не думал, что будет так страшно. Тем не менее, он находит в себе силы встать на край уступа. Слишком страшно, страшно до безумия, когда каждая клеточка тела вопит о неправильности происходящего. Хочется развернуться и убежать домой. Хочется залезть под термо-одеяло и пробыть там всю оставшуюся жизнь. Но нельзя. Надо прыгать. Надо. Только он может это сделать. Учитель не сможет столкнуть его в бесконечно холодную бездну. Он должен сам на это решиться.

Хуже всего было то, что прыжок — лишь малая часть от того, что ему предстояло сделать. Мелочь, ерунда, всё равно, что зайти в дверной проём — главное событие всё равно находится за дверью. Ученик безуспешно раз за разом пытался обмануть себя тем, что это обыденная

тренировка из его обыденной жизни, что для страха нет причин, что это так же естественно, как и дышать.

Мозг не верил. Логика не принимала. Тело не подчинялось.

В бездну разум, в бездну логику, в бездну тело...

Мальчишка делает глубокий вдох. Закрывает глаза. Открывает глаза. Прыгает...

— Поздравляю, — неделей ранее не без сарказма говорил ему наставник, — ты наконец-то готов к настоящим тренировкам.

Кислая мина ученика лучше любого ответа передаёт мысли несчастного по поводу «настоящих тренировок».

— Не бойся, — спешит успокоить учитель, — это не значит увеличение нагрузки, это совсем другое кино...

Мальчишка падал. Падал неправильно, некрасиво — совсем не так, как было надо. Чувство падения, подобно когтистой лапе хватает внутренний стержень и выдирает его с корнями. В какой-то момент безумного кружения ученик понимает, что обмочился. У него так и не получается разомкнуть веки, не по своей воле.

«Не бойся, я рядом, — почему-то над ухом звучит спокойный голос наставника, — расслабься».

Чудесным образом спокойствие сказанных слов помогают мальчишке совершить требуемое. Никто ему не поможет. Всё пустое. И он тоже пуст. Успокоиться. Превратить водоворот падения в спокойствие полёта.

«Хорошо. А теперь — открой глаза».

И мальчишка открывает глаза, чтобы лицезреть размытую картину проносящихся перед ним корней и уступов...

— Не скажу, что это будет просто, — наставник всё так же увещевал наставляемого несколько дней назад. — И слишком опасным это не назову, но, без сомнения, результат будет стоить всех затраченных усилий.

Падение продолжалось. Ветер свистел в ушах, безуспешно стараясь заглушить слова учителя. Ветер резал глаза, мешая разглядеть детали проносящейся рядом скалы. Но не ветер был главной проблемой падающего мальчишки. Главной проблемой оставался страх. Он сковывал. Он забирал силу. Забирал последние крупницы уверенности. Сжигал оставшиеся шансы на успех.

«Сконцентрируйся! Ты должен увидеть шанс на спасение! Сейчас твоё тело движимо единой целью — выжить. Ощути это, используй это. Узри тот самый момент и схвати свой шанс на выживание!»

Мальчишка кричит, заглушая всё: и свист ветра, и слова учителя, и самого себя. Он дёрнулся, в безумной попытке схватить один из пролетающих рядом корней. Один из многих, в бесконечной череде многочисленных узоров скалы. Корень, что замедлит падение, что спасёт ему жизнь...

Слишком медленно — пальцы отскакивают после мимолётного соприкосновения с извилистым древком, пальцы не справились, и сейчас они горят болью и обидой. Это было слишком медленно. Слишком слабо. Провал.

— Ты, вероятно, мог слышать, что в моменты смертельной опасности люди способны на невероятные вещи. Ну так вот, для того, чтобы ускорить твой рост и пробудить все твои силы, мы организуем тебе момент смертельной опасности. Ты должен будешь задействовать все свои чувства, довести свою концентрацию до предела и выйти на новый уровень взаимодействия со своим телом. Мы не будем спешить, чтобы снизить степень угрозы и позволить тебе адаптироваться к изменениям. Тем не менее, ты должен будешь приложить максимум усилий, иначе всё закончится очень плачевно... вплоть до твоей смерти...

Он не смог. Секундная иллюзия контроля растворилась в вихре возобновляющегося падения. Мальчишка больше не слышал голоса учителя. Он чувствовал близящийся конец, неизбежность смерти. Страх сменился ужасом, и ученик закричал. Закричал так сильно, что всё вокруг потемнело.

Мальчишка кричал, сидя в полумраке одной из комнат тренировочного корабля. Он кричал до тех пор, пока не понял, что уже не падает. Тошнота, липкость холодного пота, запах мочи. Давненько худший из учеников не чувствовал себя так погано. Ещё и комментарии от разумной программы не заставили себя ждать, что никак не улучшало ситуацию:

«Что ж, по крайней мере в этот раз ты попытался схватиться за корень... Гм... Видимо ты считаешь, что твоя рука выдержит такое напряжение. Ещё раз повторяю: ты не должен дословно воспринимать мои слова. Я не буквально выражался. Хотя по скорости ты почти подстроился. Это уже на шаг ближе к успеху. Следующую симуляцию проведём через три дня — к тому времени сделай акцент на насильственный медитативный ток. В момент следующего прыжка постарайся увеличить предельную концентрацию и восприятие. Я хочу, чтобы твой мозг замедлил восприятие падения: тогда ты сможешь перейти к следующему шагу. А пока можешь отдохнуть. И помни: пробежка перед сном — лучшее средство от кошмаров после симуляции...»

<http://tl.rulate.ru/book/8500/161537>